

НАША АНКЕТА «МЫ И ПЕРЕСТРОЙКА»

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КОМПАРТИИ ЛИТВЫ

1. Какие положительные сдвиги, новые явления видите в жизни вашего коллектива в последние годы?

Нынче, ощущая, как не дает нам покоя очнувшаяся социальная совесть, спрашиваешь себя невольно: да как же мы могли все это терпеть? Воровство, которого иной раз совсем уже перестали стесняться, угодничество, заменившее кое-кому на пути к вершинам карьеры и ум, и компетентность, и обыкновенное усердие. Праздность, распостранившуюся то в виде заурадного пьянства, а то под маркой бесконечных смотров, слетов и юбилеев. Появились люди безразличные, безынициативные, равнодушные. Думаю, что истоком этой странной снисходительности к хищному, ненасытному потребительству, потере гражданской ответственности послужила безоглядная гордость бесконечными успехами, которые не всегда были подлинными. Упоение успехами неизбежно ведет к самодовольству, к «головокружению», которое губительно влияет на весь общественный климат.

Вот против чего восстала совесть партии и народа. Сейчас мы продолжаем дело Октября, можно сказать, на новом горизонте. И вот что радует меня: с каждым днем в перестройку включается все больше людей.

Мы, люди искусства, теперь должны проявить свои лучшие качества, чтобы наш талант, смелость и принципиальность работали на перестройку. Меня спросили о положительных сдвигах в жизни коллектива. К сожалению, этого назвать не могу. Ведь что в настоящее время происходит в театрах республики? Скандалят «революционные» художественные советы, бунтуют против некоторых режиссеров, раскалываются коллективы, то бишь создаются новые труппы... Все это почему-то называют «экспериментом». Но, по-моему, художественный уровень театров от этого «эксперимента» не растет. Один—другой успех того или иного театра — это еще не художественный рост театрального искусства нашей республики.

И вряд ли нашему общему делу послужат те горячо взявшиеся за работу молодые критики, которые одни театры вознесли до небес, а другие, как, например, Клайпедский и Паневежский, «отдубасили» по-хунвейбински. Попробуй после такого мас-

сированного огня оправиться, нормально работать. Гласность и демократия никому не дают ни права, ни оснований для перегибов, а они, как говорится, налицо. Ведь нельзя не учитывать то, в каких условиях, скажем, работает Клайпедский драмтеатр, который из-за реконструкции здания вот уже седьмой год является бездомным. До недавних пор временным пристанищем для нас была сцена городского Дворца культуры, но теперь здесь на правах полного хозяина обосновался новый музыкальный театр и, как всякий новосел,

в углубление, ускорение процессов перестройки!

Успех перестройки зависит не только от личной инициативы каждого человека в конкретных делах, но и от принципиальности, гражданской зрелости. Вот, скажем, для нас, актеров, очень важен вопрос репертуара. Бывает, почти все члены художественного совета театра выступают против включения данной пьесы в репертуар, но главный режиссер все равно ее ставит. Потом оказывается, что худсовет не напрасно сомневался в целесообразности постановки — спек-

Конечно, каждому актеру, и раньше, и особенно теперь, во времена перестройки, хочется внести свою лепту в развитие театрального искусства, обогатить свою творческую биографию значительными работами. Однако в нашей профессии сделать это очень сложно: роль-то нам дают, а не мы сами ее выбираем. Не получишь работу соответствующего уровня, не будет и творческого роста. Можешь получить значительную роль, но она, как говорится, не греет тебя, ты ей не подходишь. Может и просто не получится роль.

но только кто захочет там его принять? А как ему поменять профессию? Все это серьезные проблемы, решением которых никто не занимается. А поскольку мы люди жалостливые, то почти никого и не увольняем, а играем «бумажками» перетарификации, и труппа театра остается все той же. Отсюда и «застойные» явления.

А как быть с режиссерами? Нами руководить должны личности, а не ремесленники. Тарифицирует же режиссеров Министерство культуры. Но опять-таки, что это дает, если в театре нет других режиссе-

ролирует? Актеры выполняют план, разъезжая по республике, играя порой на малоприспособленных сценах, а руководство тем временем сидит дома и по телефону интересуется: «Сколько?». Жаль, что теперь, несмотря на перестройку, никто из высоких инстанций не желает прибыть на место, встретиться с коллективом, выслушать его мнение.

И опять хочу вернуться к актерскому заработку. Он и близко не может сравниться с зарплатой даже малоквалифицированного рабочего. Хорошо тем, кто живет и работает в нашей столице. Там наши коллеги имеют возможность дополнительно заработать — на радио, телевидении, дублируя на литовский язык кинофильмы, и т. д. Актеры периферийного театра такой возможности лишены. Хорошо, если кто-нибудь пригласит поруководить самостоятельным кружком и за это «подбросит» 30—50 рублей в месяц. И все.

К. Лавров писал, что ему представляется целесообразной такая система оплаты труда актеров и режиссеров, при которой на периферии они получали бы большую зарплату, нежели в столицах. О непрошибаемой неповоротливости финансовых органов всем известно, поэтому благим намерениям народного артиста СССР, видимо, реализации придется ждать очень долго. Я же предлагаю более короткий путь. Может быть, Министерство культуры, руководство Гостелерадио заступятся за периферийных актеров и предоставят возможность Шуляйскому, Клайпедскому, Паневежскому театрам ставить спектакли на телевидении? Почему бы на радио не поручить им поставить пьесы для детей? От этого, по-моему, выиграли бы все: зрители и слушатели республики познакомились бы с новыми актерами, исполнители получили бы моральное и материальное удовлетворение, прибавилось бы работы у критиков. Кстати, этот вопрос поднимается театральной общественностью не впервые, но «ведомства» не идут навстречу. Чего боятся? Непонятно. Ведь теперь перестройка. Так давайте перестраиваться.

Все режиссеры признают, что актер на сцене—главный творец. Я бы добавил: и страдалец. Дело в том, что за все неудачи спектакля вину возлагают только на актера. Он практически отвечает даже за то, чтобы не забыли взять на гастроли ящик с обувью, детали сценического атрибута и т. д. А вот когда распределяют квартальные премии, актер получает всего несколько десятков рублей, в то время как «номенклатурные единицы» — до величины оклада. За финансовые показатели? А качество их работы? Кто их объективно конт-

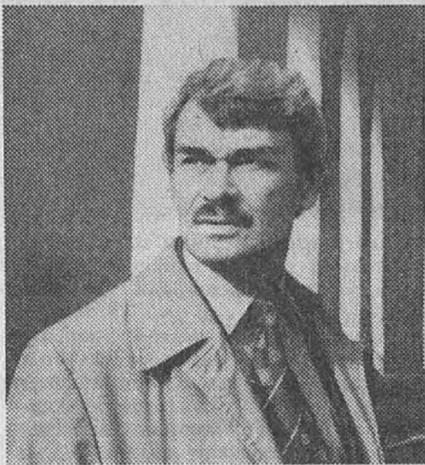
ро, которые могли бы заменить тех, творческий уровень которых признан недостаточным высоким? Когда десятилетиями творят одни и те же актеры вместе с одним и тем же режиссером, все становится скучно, неинтересно. Почему нам не пойти хотя бы и на такой эксперимент. Скажем, И. Вайткуса послать в Клайпедский драмтеатр, П. Гайдиса — в Каунас, Г. Ванцявичюса — создавать в Капсукасе новый театр и т. д. Вот тогда и был бы эксперимент. Как на это смотрит министерство? Ведь режиссеры — это их номенклатурные работники.

Поэтому я считаю, что наш вклад заключается в коллективном творчестве, в ансамбле. «Звезды» в сценическом искусстве вряд ли приемлемы, тем более, что, как правило, они не так уж и долговечны. По-моему, эклектичность, отсутствие ансамбля как раз и сыграли свою роль в том, что наш спектакль «Скиргайла» не стал значительным явлением в творческой биографии театра.

3. Каковы ваши предложения по обеспечению эффективности перестройки в области культуры?

В нашем театральном «ведомстве» еще не чувствуется перестройки в таких делах, как оплата труда актеров, их материальное положение. Кстати, с большой озабоченностью об этой стороне жизни нашего брата-актера недавно в «Правде» писал народный артист СССР, председатель правления Союза театральных деятелей СССР Кирилл Лавров.

Меня лично волнуют две вещи. Первое. Актера можно перетарифицировать или вообще уволить за его низкий творческий потенциал. Увольненный, разумеется, будет искать работу в другом театре,

Гражданская зрелость

На вопросы анкеты отвечает

народный артист Литовской ССР Балис БАРАУСКАС

затеял ремонт. Мы вновь оказались без пристанища.

Правда, теперь Клайпеда может гордиться: в городе отныне два театра. Но какой от этого толк, если один из них по сути дела числится скорее на бумаге, а второй находится на колесах и коачует за пределами города-порта. После передачи бывшего молитвенного дома религиозной общине бездомной стала и филармония.

Зная, что Клайпедский драмтеатр не имеет сцены, не рвутся к взморью и режиссеры, которых нам не хватает. Поэтому наш главреж П. Гайдис в настоящее время работает над постановкой сразу трех пьес. Жаль только, что в них не так уж много действующих лиц. Мы, ветераны, кое-что в свое время сделали, можем жить хотя бы воспоминаниями, а молодежь ведь годами ждет настоящей работы, хороших, интересных ролей и ...квартир.

В результате всех этих бед к новым временам в жизни театральной общественности мы пришли со слабой финансовой базой и старым репертуаром. И пока что скорого просвета не видать.

2. Каков ваш личный вклад

такль оказался слабым. Случается и наоборот, когда из-за отсутствия режиссера постановку пьесы доверяют актеру. Худсовет похвалит работу, хотя спектакль и на этот раз не стал украшением театра. Видимо, художественному совету и главному режиссеру надо тщательно взвешивать все «за» и «против» и находить компромиссные решения. В нашем театре, например, художественный совет не пользуется правом «вето». Должен сказать, что наш главный режиссер П. Гайдис не раз принимал во внимание предложения членов художественного совета, в том числе и мои.

На художественном совете или на других собраниях коллектив театра нередко высказывает свое неудовольствие режиссурой, занятостью в спектаклях, премированием. К сожалению, эти «революционные» речи не всегда бывают конкретными, конструктивными. Отчасти это можно понять, ведь в своих отношениях мы должны соблюдать такт, не унижать человеческое достоинство своего оппонента. Хуже, когда это превращается в обычную перестраховку, боязнь, «как бы чего не вышло».